

Автор сразу предупреждает читателей — его мнение не всегда совпадает с мнением героя. Учитывая специфику книги, автор извиняется за некоторые нелитературные высказывания.

Консультантом по некоторым главам, описывающим порядки и жизнь в тюрьме, был мой друг Валерий Бугров (погоняло — Душегуб, Отрицала). За это ему от меня огромная благодарность.

Что касается других литературных вольностей, абстракций, аллегорий и фантазий, то ответственность за это лежит полностью на таланте и вымысле писателя.

Вы спросите: «Зачем писать про эков? Есть много других, светлых тем». Отвечу вам так: «От сумы и тюрьмы не зарекайтесь. А Любовь — это наша “зона” счастья. Из которой самому освободиться не хочется».

Книга посвящается всем бывшим, настоящим и будущим заключенным. Не падайте духом, друзья!

Глава 1

ВЫБОР

Я хочу стать палачом...

Но все по порядку. Я родился 21 ноября 1961 г. В год, когда моя великая страна, до этого начавшая свой путь с кровопролития и уничтожения моих братьев по духу, вступила в свой новый этап развития — покорение космоса человеком. Я любил свою страну как воспитавшую меня мать, гордился своей страной, верил в ее великое будущее, верил в силу духа своего народа, в могущество русской души и негибаемость русского характера. Да, пришедший в 1918 г. хам, уверенный в своей безнаказанности, во все последующие годы принес много горя и скорби. Но я верил в золотые руки этого нового народа, в его преданность своим идеям и целям, в его настойчивость и самоотдачу в достижении великой цели и сам готов был стать частью этого народа, отвергая в нем только одно — хамскую основу, лежащую в корне всех общественных и межличностных отношений. Оставшаяся и вновь появившаяся интеллигенция разбавляла эту прокисшую и пропахнувшую пролетарским духом брагу свежей родниковой водой, но фильтры для очистки этой воды, называющие себя правоохранительными и контролирующими органами, настолько были забиты идеологической грязью, что сусло выходило обесцвеченным и ничтожным. Надо отдать должное интеллигенции — ее интеллект превышал умственные способности тех, кто пытался под себя подмять не тронутые чернью принципы. В кино, в различных публикациях и изданиях среди «разрешенной» шелухи то там то здесь случайно появлялись зерна, вроде бы и характеризующие «заклятых врагов народа» истинными вредителями и мерзавцами, но в то же время их слова и убеждения вызвали уважение своей правдивостью и своим благородством. В этом было главное предназначение интеллигенции — донести до великого множества оскотинившихся людей, что в уничтоженном ими мире было не все плохим и ненужным. И, может быть, именно эти крохи чести в общедоступных источниках информации и сделали бы настоящее общество нравственнее и чище. Но вместе с этим

для обычного человека, не лезущего в дебри происходящего, гуманнее и нравственнее советского строя ничего нет и не было. Наше общество самовоспитывалось на вечном горе и вечной погоне за светлым будущим. И оно могло бы стать идеальным в этом поганом мире, потому что некоторыми избранными его представителями двигало искреннее желание стать на ступеньку выше среднего обывателя и жить лучше дорвавшегося до государственной кормушки и беснующегося от жира племса. Но зло очень часто побеждает добро, потому что добро безоружно из-за своей доверчивости и лояльности. В скором времени будет нужен новый потоп, чтобы смыть с лица земли погрязшие в душевном и физическом нечистоплотстве тела.

Мои родители были из старой, прошедшей все жестокие исторические перипетии и гонения вольнодумства и свободы веры, религиозной семьи. Выходцы из Новгородчины, они были настолько пропитаны патриархальностью и красотой окружающего их края, что подобную красоту и совершенство им хотелось видеть и в людях. Уникальность природы, ее чудотворное воздействие на человека рождает веру в бессмертие, веру в Бога как Создателя удивительного мира, веру в самого человека как творение этой природы и веру в саму жизнь во всех ее проявлениях, чудесах и загадках.

Я был воспитан на высоких традициях уважения к семье, женщине, хлебу, труду и Родине, и к тем понятиям, которые не могут исказить ни время, ни обстоятельства, не меняющаяся власть. Но я хочу стать палачом. Нет, это желание пришло ко мне не сразу, а только спустя многие годы. Я вырос и жил среди себе подобных, не отличающихся от других каким-либо цинизмом или жестокостью по отношению ко мне, да и к другим, людей, что могло бы навести меня на такую мысль. Меня никто не обижал. Эти люди просто жили. Жили рядом, жили вокруг меня, жили ради себя, ради своих детей, чтобы и те, как вырастут, могли бы повторить весь этот круг бытия, неотделимого от фатума самолюбования и создания рядом с собой всепожирающего и вечно убегающего от них уровня надлежащего комфорта. Человеку вообще присуще искать то место, где ему легче дышится и слаще живется. Но, даже найдя такое место, он опять начинает

что-то искать, считая себя обделенным чем-то и недостаточно чем-то обеспеченным. Нет вершины человеческим желаниям. Бурлят и мчатся вниз со страшной скоростью реки переживаний. Нарастают и тают, рушатся и вновь появляются ледники отчуждения с появлением крепкого наста — жить только в своем мирке, подальше от злого, завистливого и постороннего взгляда. Тянутся, извиваются, рискуют сорваться в преисподнюю тропы непонимания и нежелания принимать то, что этому человеку как личности не свойственно. Камнепады отчаяния, капканы ошибок, пропасти порока, переломы в жизни, травмы души и сердца, яд предательства и муки совести, пустыня одиночества. Но и падение, нет, даже не падение, а нежелание подняться воспринимается многими как высший пьедестал счастья и умиротворенности. Змея никогда не сожалеет о том, что она змея, а не сокол. И у пчел, и у мух — одно небо, но интересы разные. Человеческие пороки так заманчивы. Зыбкая трясина неблагоприятных поступков настолько непредсказуема и притягательна, что чем активнее ей сопротивляешься, тем все больше и глубже она тебя засасывает. И вся пагубность этой трясины не в том, чтобы, нахлебавшись ржавой воды, прочихаться и насытиться и, кроме этого, больше уже ничего не употреблять или, захлебнувшись, успокоиться, утонуть в ней окончательно, а в том, чтобы, почувствовав себя героем в данной ситуации и не останавливаясь на достигнутом, вновь возвратиться к этому болоту, увеличивая дозу возбуждающего умопомрачающего снадобья. Ибо ты уже узнал этот пьянящий вкус гнили и эйфорию своей сопричастности к запрещенному и к таинственному. Непознанное, как раз и является высшей точкой блаженства. Так пропасть становится чьей-то вершиной. Желания, душа и тело должны идти вместе для совершенства личности. Но так думают и убийцы, и проповедники. И все они называют себя людьми, привилегированными фигурами высшего природного сословия, имеющим право на безоговорочное понимание и беспредельное волеизъявление. Копни глубже — и в каждом светлом человеке обязательно отыщется то, что скрыто от глаз других маской, изящным словесным лоском. Это не обязательно плохое, это просто свое и очень личное. Желание рождает поступок. Посту-

пок рождает привычку. Привычка рождает характер. Характер рождает судьбу. Проступок — это еще не пропасть. Небольшой обвал. И все зависит от отношения к этому — научит чему-нибудь или понравится. А вот если почва убеждений отсутствует, а вместо нее — глина, да если еще ее подмывают дожди соблазна, выдувают ветра безнаказанности, мучает духота обыденности, разогревает солнце желания, да романтический ночной холод опасности студит, то тогда и камень треснет. И рухнут все запреты и сломаются все замки.

В природе свои закономерности — конкуренция за выживаемость на фоне неугасающей, пока наш земной шарик еще вращается, борьбы противоположностей — ночь и день, огонь и вода, добро и зло. В человеческой природе это выражается борьбой разумного с желаемым, противостоянием личного и общественного. И как элементарный пример — принятие вкусной, но очень вредной пищи. Во всем этом и вертимся! Что победит? Нет на это ответа. Нет этому ни конца, ни начала. Совершенны только ангелы. Я бы очень хотел увидеть хоть одного из них! Я человек, верующий в Бога, но я так нуждаюсь в постоянном подтверждении того, что Бог меня видит, обо мне думает, обо мне заботится. Самовнушения мне мало. Я прочитал много книг: научных, художественных, церковных и книг запрещенных и атеистических. Я хотел получить знания во всех областях этой жизни, чтобы не выглядеть беспомощным и необразованным ни среди врагов, ни среди соратников. И чтобы я мог спокойно обсуждать любые темы как с профессором, так и со слесарем, поваром или золотодобытчиком. Я знал несколько языков, среди которых на латыни и старославянском я мог уже спокойно разговаривать, читать и писать. Кроме этого, я изучил медицину, кузнечное дело и мореплавание. Эти всевозможные знания меня радовали и отвлекали от печальных мыслей, что я родился не там и не в то время. На основе своего образования я в спорах удачно жонглировать фактами, причем беря их из всех всевозможных и невозможных источников. Разумеется, это было не всем под силу, и поэтому я прослыл даже среди своих сверстников занудой и человеком, который про все имеет свое и только свое мнение. Мое мнение всегда отличалось от мнения общества, и я

думаю, что общество все же не то... Друзей у меня не было. Были заискивающие завистники и ярые явные враги. И все пытались из меня сделать вещь, удобную им. Их старания были тщетны. Я шел своим путем, не оглядываясь и не останавливаясь. Я хотел стать литератором. Но я хочу стать палачом. Вы можете сказать, что подобные желания не могут прийти в нормальную голову и уж тем более в голову верующему в Бога человеку... Но дочитайте до конца мою исповедь и откровение, и тогда вам многое, что я хочу объяснить, станет понятным.

Мои знания помогали мне разобраться в канонах православной церкви и в догматах других религий. По моему мнению, государство только делает вид, что церковь отделена от него. Ложь удобна и выгодна всем. Не стала бы сильная власть терпеть рядом с собой не поддерживающего ее собрата. В данное время церковь — это тайное, завуалированное под самостоятельную индивидуальность оружие государства. Государство собирает деньги на страхе. Увы... Церковь собирает деньги на вере. Никто никому не должен мешать обирать свой народ. Ворон ворону глаз не выклюет. Я разговаривал с одним священником, и он честно признался мне, что пошел в священнослужители только из обычного стремления жить лучше. Я не пошел бы к такому священнику на исповедь. И я хочу стать палачом. Теперь до вас понемногу доходит смысл моего желания. Когда я увидел священника, в глазах которого светилась вера — то мне опять захотелось стать палачом, но теперь только для того, чтобы отгородить эту истинную, ничем не прикрытую святость от притязаний огромного количества нечестивых иуд. Мир погряз в расправах. А для некоторых религия стала оружием массового уничтожения. Пусть вера для кого-то и опиум, но если с этим лекарством человеку легче жить и спокойнее умирать, то так тому и быть. Государство не стало местом душевного покоя. По своей сути, церковь, конечно, помогает управлять народом! Чтобы хоть как-то держать его в рамках приличия и благочестия! И не такие они уж плохие, эти десять заповедей! Не дают человеку окончательно оскотиниться! Ну, чем ужасно утверждение — не укради? Но воровство есть! И это государству очень не нравится! Оно не терпит по этому вопросу конкурентов. Вот и гоняется

за неугодными! Годы семидесятые вообще были, с точки зрения правопорядка, идеальными. Но это не все! Есть еще список семи грехов! Для того чтобы мы что-то начинали понимать в протекающем рядом с нами бытии. А что учителя разные и что они не все своей личной жизнью нам подают подобающий пример, так выбирайте себе учителей сами — по вере своей, по интересам, по своей образованности и по своим требованиям! Вас в церковь силой никто не гонит. Православие, католицизм, иудаизм, ислам и прочие — они все в основе своей имеют исторически сложившиеся, территориально зависимые национальные корни и практически отличаются друг от друга только различием проводимых обрядов, традициями и психологической основой своей веры. В остальном их цель одна — доказать своему народу, правдами и не правдами, что у них есть свой Бог. В него надо верить, его надо бояться, ему надо поклоняться и его надо слушаться. Я знаю, что Бог есть. И он — один для всех! Он во мне. Он вокруг меня. Он всегда со мной. Бог в каждом из нас. Он в каждом Божьем создании — в животном, дереве, камне, траве, птице или рыбе. Другое дело, видим ли мы его, слышим ли... или до сих пор слепы и глухи.

Сметающие все на своем пути, бешеные стаи красного террора объединились, окрепли, ошетинились и принялись мочить и своих, и чужих, не жалея для процветания своего единовластия никого и ничего. Красный цвет — это не только цвет флага. Это цвет крови. И ее было предостаточно! Государство всегда боялось инакомыслия, как, впрочем, и церковь. Это явно было заметно в первые годы становления молодого варварского государства. Потом, постепенно между собой договорились, перемолотив до этого в жерновах пролетарской законности огромное количество благочестивых прихожан, превратив тысячи по-настоящему верующих, истинных священников в прах. И сейчас, когда дипломатические границы между двумя силами четко расставлены, то явное противостояние друг другу уже никому не нужно. Но и открыто поддерживать своего соседа никто не собирается. Каждому нужны свои рабы, чтобы они, как муравьи, бесконечно, неустанно таскали свои подаяния и вносили жертвования в бездонную казну узаконенных проходимцев для прозябания

красивой жизни теми, кто руководит всем этим процессом. Государству надо было создать своего Бога. Для Советского государства таким Богом и стала Коммунистическая партия Советского Союза как ум, честь и совесть всего советского народа. Ни ума, ни совести там, конечно, не было. Был порыв. Была идея. И было огромное желание стать для всех новым Богом. Всепоглощающим, всевидящим, всезнающим, всех устрашающим. Но Бог должен быть благородным. Не хочется, но должен! И только поэтому новый Бог заботился о простых людях и подрастающем поколении! Только ради того, чтобы не роптали, а надеялись, верили и работали, работали, работали... Воспитание новых рабов — это первостепенная и первоочередная задача того, кто хочет с них потом поиметь все и как можно больше. И только поэтому повышался рост благосостояния народа. И только поэтому пятилетки давали стране много угля, зерна и хлеба. И на этом пути прикормки, приручения людей никто не должен встать. И не дай бог засомневаться в новом Боге. Те, кто оставался верен тому, кто действительно создал мир, истинному Богу, сразу попадали в черные списки как прислужники другой — огромной, не навязанной, а исходящей из души человеческой, непоколебимой веры. А если еще от этой силы у старого и мощного дуба, отколерованного кровавым временем, насильно привитого желанными плодами, начинали в разные стороны расти недозволенные ветви — различные религиозные течения, да еще со своими правилами, то это моментально вызывало тревогу и агрессию со стороны государства, ибо в этом оно видело серьезную опасность для своей целостности.

Партия стала богом не для всех, а только для тех, кто действительно поверил в ее могущество и кто при помощи своей партийности надеялся выбиться из грязи в князи. Да и было бы смешно, если бы мы все отбивали поклоны Кремлю и в голос вопили на всю Красную площадь: «Спаси, сохрани и помилуй нас, КПСС!»

Да, по большому счету, какая разница, как человек молится, двумя пальцами, как староверы, или тремя, переламывают хлеб или произносят молитвы, пришедшие на ум, здесь же, на месте, как это делают баптисты, или поклоняются деревянным богам

или богам стихии, как язычники. Русь издавна была языческой! Хуже от этого она не стала! Чем отличаются жесты верующих людей от тех же, доведенных до автоматизма, жестов фашистов, выкидывающих руку в фанатичном приветствии, от радостного поднятия руки пионерами, а в армии — руку к фуражке или к голове. Да, ничем! Только движением! Не смыслом. Просто надо существующему строю закрепить свое влияние на народ контролируемой, подчиняемой, массовой, стадной психологией, и чтобы у этого безумства были свои отличительные черты, свой шик, своя атрибутика. Можно не ходить в церковь, не ставить свечи, не поклоняться иконам, но можно просто верить в Бога и не совершать зла и жить по Божьим законам человеколюбия. Ведь жить в достатке за счет верующих тоже не очень хорошо, и это само по себе не очень-то и честно. Я не думаю, что Бог одобрил бы все это!

Я по-прежнему хочу стать палачом. Небольшое путешествие в историю не остудило мой пыл. И многие, очень многие верующие, по-настоящему верующие люди за свою веру готовы умереть. За КПСС готовы умереть не все, и предателей в этой партии было гораздо больше. Жаль, что чувство собственного достоинства очень часто оспаривается Уголовным кодексом. Все мои мысли почему-то не очень нравились четвертому отделу пятого управления КГБ, как раз тому, который занимается вопросами религии в СССР. Они как работали, так и работают на принципах, описанных еще А.С. Пушкиным в его стихотворении «К Чаадаеву. 1818 год». А они, эти принципы, звучат так: «Души! Прекрасные порывы...» Вот они и душили! И поэтому я тоже очень хочу стать палачом. Но... Все по порядку. Как я уже писал, совершенны только ангелы! Но и среди них, если вспомнить Библию, были и падшие ангелы. Например, Люцифер. Он описывается многими философами как сын зари, предвестник рассвета, чего-то нового, праздничного, начала новой жизни, и это качественно отличает его от других ангелов, делающих свою работу.

Возьмем, к примеру, того же ангела любви или ангела удачи: во всех их делах есть рассвет как итог их работы. А это значит, что Люцифер тоже в какой-то степени руководит душами этих

ангелов. И Люцифер, наверное, за это и был особо отмечен Богом и назначен своей правой рукой. В его обязанности входило наблюдать за нравственностью на земле и наказывать грешных и провинившихся перед Богом людей. Он-то как раз и являлся палачом — карающей десницей, кровью провозглашавший Слово и Дело Господа Бога. За то, что сын зари Люцифер захотел обрести свободу и носил в себе грех господний — гордыню, он и был изгнан с высокого поста, став исчадием ада.

Его место занял архангел Михаил. Но архангел Михаил раньше был просто, говоря светским языком, военачальником божественного войска. А солдат и палач — это не одно и то же! Поэтому место палача, в том смысле слова, в котором мы его понимаем, осталось, по сути, свободным.

Итак... Я родился 21 ноября 1961 г., в день архангела Михаила, когда родственники и близкие умерших могут вымолить своих родных из клешней ада. И я был наречен родителями в честь такого события Михаилом. Что означает «Богopodobный. Божественный». И это имя меня вполне устраивало, хотя смысл его я стал понимать гораздо позже, по достижении мною определенного возраста. Я Михаил Александрович Рылеев. Не знаю, не ведаю, но скорее всего я не являюсь потомком декабриста К.Ф. Рылеева, хотя что-то в моей крови и в сердце есть бунтарское. По праву своего имени и по положению того, в честь кого я был назван, да и по моему воспитанию и характеру, я и хотел занять то место, которое мне было предназначено. Архангел Михаил на небесах. Но я хочу стать не им. Я хочу стать палачом. Быть тем мессией, что творит не Божью, а светскую справедливость на земле... Хотя у справедливости нет определенного происхождения. Справедливость либо есть, либо ее нет. Пока я был молод, то в силу своей юношеской чувствительности я еще не мог творить, что творят палачи — убивать. Мое сопротивление порокам общества выражалось в противоборстве и неприемлемости лжи и пошлости во всех их проявлениях, под всеми масками и личинами. Моим оружием на то время было только слово, укор, причем сказанный прямо, в глаза, в лоб, несмотря на возраст и должности, пол и мировоззрение, с явным пренебрежением в общении с теми, от кого исходил зловонный

запах порока. Разумеется, я нажил таким образом себе целую кучу врагов, причем я гордился постоянно растущим их количеством. Все то время, которое я ранее отдавал постижению наукам, теперь наполнилось занятиями спортом, физической подготовкой, боевыми искусствами, совершенствованием знаний по оружию, методам ведения войны диверсионными, подрывными, шпионскими и военными подразделениями, а также изучением тактики и стратегии отрядов специального назначения. Я днями и ночами штудировал книги про Великую Отечественную войну, пиратские рассказы, приключенческую литературу и жадно впитывал в себя опыт всех войн, которые когда-либо происходили на земле. Война во Вьетнаме, в Камбодже, война с Наполеоном и другие наши войны. Все, что мне было интересно, я записывал. Усердно перерисовывал к себе в тетрадь хитроумные ловушки партизан, оружие охотников за скальпами и многосложные шифровальные коды подпольщиков. Особенно сложно было изготавливать мины и бомбы. Не всегда можно было достать нужные химикаты, да и итог такому исследованию, особенно при положительном результате, мог оказаться весьма плачевным. Я мог уже сам спокойно собрать бомбу, которой взорвали Александра Второго, и современную мину замедленного действия. Я умел ставить растяжки и делать прыгающие мины, причем из подручного материала! Да я и сам уже изобретал что-то новое и придумывал в этом направлении совершенно немыслимые вещи. Но повысить квалификацию до надлежащего уровня мне помешало маленькое недоразумение. У меня все получилось и поэтому взорвалось. Я чуть не остался без глаз и рук. Можно сказать, что по этому предмету я экзамен сдал успешно! После этого я прекратил свои научные изыскания и практические опыты в этой области. Все, что я изучал, было важно, но второстепенно. Меня волновала психологическая сторона этого вопроса. Я хотел стать палачом. Вопросы морали и угрызания совести не должны беспокоить палача. Он исполняет высшую волю. И он должен выполнять ее, не задумываясь, доверяя провидению, указанию сверху и своей убежденности в правильности наказания. Меч палача никогда не должен останавливаться, а его рука никогда не должна дрожать. Но

палач — человек, и в этом его слабость. Как существо живое он не может не видеть цвета крови, не слышать звука падающего тела, не может на бессознательном и генетическом уровне быть безучастным к дергающемуся в агонии такому же человеку, как и он сам. Но кровь не разъедает меч — она постепенно разъедает душу. И чем больше крови, тем ржавчина неопределенной вины превращает душу и сердце палача, казалось бы, творящего правосудие, в затвердевший камень, в безразличную, бесчувственную, бесформенную массу. Стать палачом — это моя мечта, мой полет, моя вершина, и чем она выше, а я это отчетливо понимал, тем станет неизбежнее мое падение в страшную преисподнюю, неотвратимую пропасть, безвозвратную бездну. Есть ли в этом грех — гордыня? Да, есть. А это значит, что моя мечта рано или поздно приведет меня на заклятие, к ответу перед справедливостью, и я повторю путь падшего ангела. И опять в очень скором времени сын зари станет князем тьмы и исчадием ада. Я стану тем, с чьими пороками и с чьими поступками я боролся и кого ненавидел всей душой и всем сердцем по делам его, для мира темным.

Глава 2

ВЕРА

— Не издох он? Посмотри! Немного сутуловатый, обрюзгший от чрезмерного употребления пива надзиратель стоял надо мной и пытался носком заляпанного моей кровью ботинка приподнять мою разбитую голову от мокрого, воняющего хлоркой, кафельного пола.

— Да вроде дышит...

Следователь что-то принялся выводить размашистым почерком в моем личном деле, где на титульном листе, в правом верхнем углу, синим горизонтальным квадратом стоял штамп «Для служебного пользования». Оторвавшись от письма, он рукой подал знак надзирателю, и тот поставил на место почерневший от загустевшей крови опрокинувшийся железный стул. Втащил меня на него, тычком в грудь усадил, как бы пригвоздив к спинке. Ножки стула были помяты в некоторых местах, ближе к сидению сияли свежие царапины. Стул был рабочим, тоже каким-то покалеченным, и казалось, что очень несчастным, потому что ему на его недолгом веку пришлось видеть такое, что не всем довелось увидеть. Когда стул придет в негодность — его заменят новым. И тот так же, как и его предшественник, все будет видеть, терпеть, расшатываться и скрипеть от наносимых тому, кто на нем сидит, тяжелых ударов, выбивающих неуютную дурь и своенравный характер вместе с зубами.

— Вот что, Михаил Александрович, мы вас здесь научим любить Родину — мать вашу! Разучитесь морочить людям головы своими проповедями. А как мы умеем учить, это вы и сами прекрасно видите.

Я плохо понимал, что он говорит. Многие слова слились в одно длинное предложение. Иногда вместо слов я слышал шум. Единственное, что я остро чувствовал, это мой пульс, барабанивший в висок, и этот стук был громче и отчетливее всего того, что происходило в комнате. Во рту стоял ком из слюны и крови, и не было сил этот ком ни выплюнуть, ни проглотить. Ответить тоже не было сил. Я мог бы что-то показать жестом, но руки не